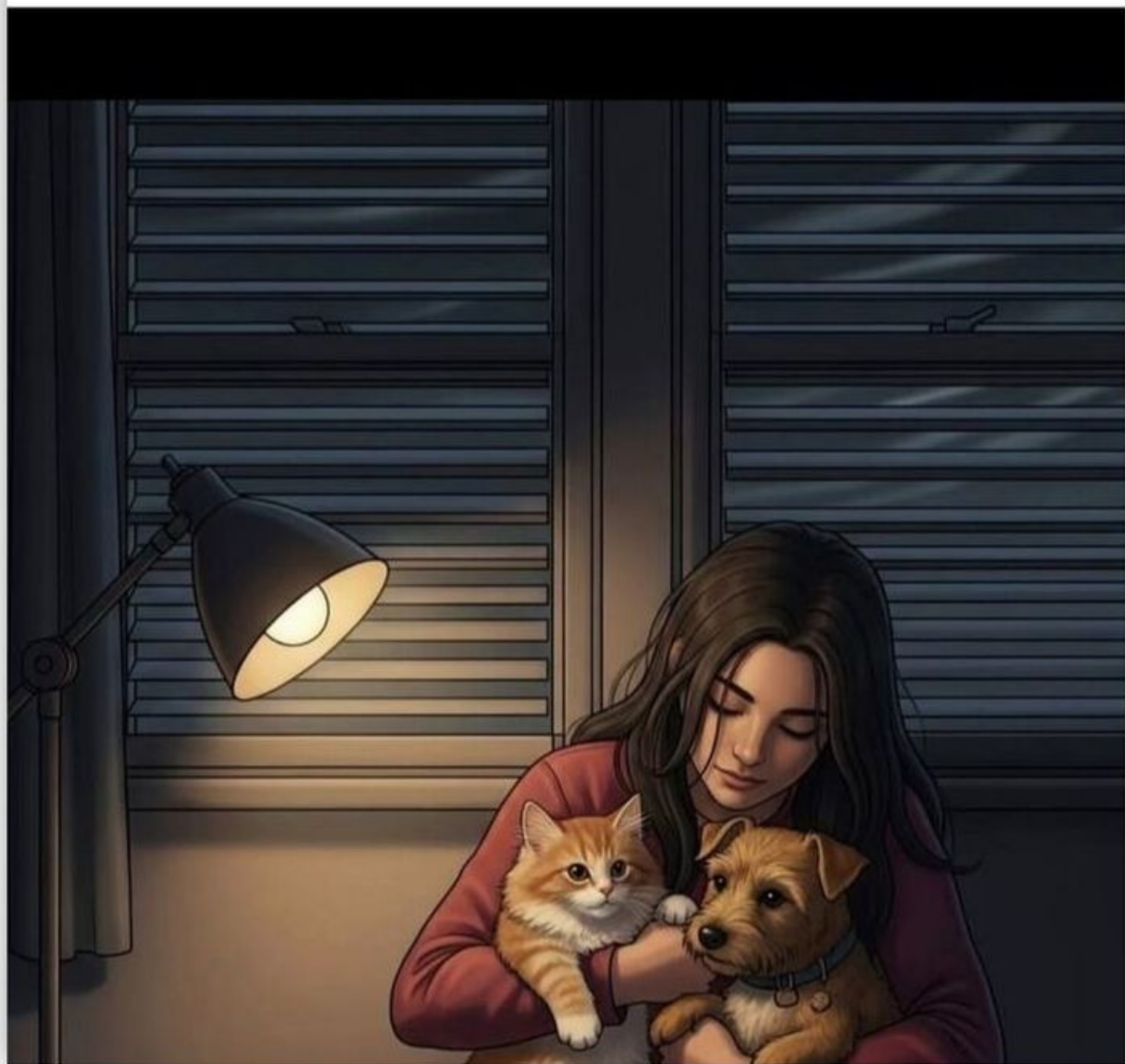

12+

Марина Григенс
Когда вздрагивает небо

Цикл прозаических миниатюр

Марина Григенс

**Когда вздрагивает небо. Цикл
прозаических миниатюр**

«Издательские решения»

Григенс М.

Когда вздрагивает небо. Цикл прозаических миниатюр /
М. Григенс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-683140-7

Реальные судьбы, ставшие символами стойкости. Женщины, дети, старики —
каждый из них удержал мир, когда небо над Израилем содрогнулось.

ISBN 978-5-00-683140-7

© Григенс М.
© Издательские решения

Содержание

Когда вздрагивает небо	6
От автора	6
Вступление	7
Часть первая	8
Тали. Дом на улице ветра	8
Рахель. Семнадцать часов	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Когда вздрагивает небо

Цикл прозаических миниатюр

Марина Григенс

© Марина Григенс, 2025

ISBN 978-5-0068-3140-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда вздрагивает небо

От автора

Я не историк и не военный корреспондент. Я – человек, который слышал ту сирену. Ту самую, что разделила жизнь на до и после.

7 октября начался не просто обстрел – начался день, в который рухнули стены привычного мира. Я писала эти рассказы не ради фактов, а ради памяти. Ради лиц, голосов, судеб – тех, кто спасал, кто терял, кто просто держался за жизнь.

Я хотела, чтобы эти истории не остались в заголовках новостей, чтобы они звучали человечески, как дыхание, как шёпот, как свидетельство сердца.

Пусть в них – боль, но и свет горит тоже. Пусть в каждом имени – память, а в каждом слове – благодарность. Потому что небо действительно вздрагивает.

Но пока есть те, кто не отводит взгляд, пока кто-то поёт колыбельную ребёнку, пока кто-то бережёт чужую жизнь, – оно держится.

Эти миниатюры – не о войне. Они – о людях, которые даже в темноте умеют быть светом.

Все описанное в них основано на реальных событиях.

Истории взяты из открытых источников и интервью, и собственного опыта, с небольшой долей художественного домысла. И это только малая доля того, что случилось 7 октября. И после... Война с Хезбаллой, хуситами и двенадцатидневная война с Ираном. Где для того, чтобы выжить оставалось двенадцать минут. Это время полета баллистической ракеты.

Вступление

Субботнее утро началось, как тысячи других.

Небо над Израилем было тихим, ленивым, чуть припудренным золотом. Птицы кружили над крышами, в воздухе звенел покой. Кто-то ещё крепко спал после семейного застолья, встречая праздник «Симхат Тора» – день радости и света. Кто-то, приехав на музыкальный фестиваль, всё ещё танцевал под рассветное солнце,

улыбаясь жизни, друзьям, музыке.

Мир ещё не знал, что через несколько минут всё изменится.

Что это утро войдёт в историю не как праздник, а как Чёрная суббота.

Никто не знал, что привычный запах кофе смешается с гарью, что песни сменяются сиренами, что слово «дом» станет означать – убежище.

В этот день небо вздрогнуло – и вместе с ним вздрогнули сердца.

Кто-то спасал, кто-то искал, кто-то молился, то-то просто держал руку другого, чтобы не упасть в бездну.

С этого утра началась новая история страны, где герои – не только солдаты, но и матери, отцы, дети, врачи, старики, и даже те, кто просто остался живым.

Эти страницы – не хроника войны, а память о людях, которые, когда дрогнуло небо, сохранили свет.

Часть первая

Тали. Дом на улице ветра

Утро начиналось спокойно. Тали еще крепко спала, надеясь встать чуть позже обычного. У неё и детей были грандиозные планы на этот праздничный день. В доме пахло пирогами и счастьем.

Но Тали Хадад проснулась не от детского голоса и не от солнца, а от сирены – той, что режет воздух, как нож по стеклу. Сердце вздрогнуло – не от звука, от предчувствия.

Первые секунды – тишина в голове, всё будто замерло, а потом тело само вспомнило, что делать. Мама шести детей не первый раз уводила их в укрытие. Они босиком, в пижамах, с мягкими игрушками, бегут по лестнице вниз. Подвал встречает их влажным воздухом, пыльными стенами, и звуком, который не прекращается. Сирена не умолкает. Пять минут. Десять. Двадцать. А потом – удары. Земля дрожит. Дети плачут. Она прижимает их к себе, шепчет – всё хорошо, это скоро кончится. Но внутри знает: это не обычный обстрел. Она ждёт, но взрывы не стихают, а где-то за стеной – новые звуки, короткие, металлические, будто кто-то бьёт в сердце мира.

Тали закрывает глаза, считает до десяти, но вместо спокойствия – нарастающий гул, и чувство, что воздух стал тяжелее. Её сын, Итамар, офицер, был на выходных дома. Тали знала об этом. И когда первые выстрелы загрели – она поняла: её семья и её город – в опасности.

Проходит полчаса. А сирена всё звучит. Взрывы не прекращаются. Это не тот привычный ритм, когда тревога утихает, и мир снова делает вдох. Это – что-то другое. Долгое. Густое. Словно сама земля содрогается.

И вдруг – тишина. Но не спокойная, а страшная, выжженная.

Тали прижимает детей к себе. В этот момент – звонок. Короткий, обрубленный. На экране – имя сына: Итамар.

Она отвечает, и слышит не его голос, а чужой – сбивчивый, хриплый: «Он ранен... мы пытаемся его вынести... связь рвётся...»

Секунда – и тишина. Телефон обрывается. Она сидит, ощущая, как земля уходит из-под ног. Взрывы снова начинают греметь, но теперь она не слышит их.

Внутри – только одно слово: сын.

Она встаёт.

– Оставайтесь здесь, – говорит детям. – Мама сейчас.

Они хватают её за руку, но она мягко высвобождает пальцы.

На улице – дым. Солнечный свет режет глаза.

Птицы, которые утром кружили над крышами, исчезли. Далеко слышно стрельбу. Сначала – отрывочно, потом ближе, потом – очередь.

Она не верит. Не может поверить. Но мозг уже работает быстрее, чем страх.

Сын где-то там, в стороне, где теперь гремит война.

Тали бежит. По улицам, где воздух горчит, где асфальт усеян осколками, где каждая дверь может стать границей между жизнью и смертью. Она зовёт его по имени, кричит, пока голос не срывается. И вдруг – видит.

Сын лежит у стены, тяжело раненый, среди погибших товарищей. Его глаза полны боли.

– Мама что ты здесь делаешь? – шепчет он. – Уходи.

– Нет, – отвечает она. – ты ранен, я увезу тебя.

Она тащит его к машине. Её руки дрожат, но двигаются твёрдо. Машина едет, гремит, по дороге – тела, дым, разбитые окна. Каждый поворот кажется последним. Но она едет. Она не имеет права не доехать. Дважды останавливается – чтобы подобрать раненых. Трижды – чтобы перевязать кого-то на дороге. Она не знает, сколько раз могла погибнуть – и всё равно едет.

Когда наконец видит скорую, она тормозит резко,
почти падает, но держит сына за руку до самого последнего шага.
– Он жив, – говорит она врачу. – Слышите? Он жив.

Когда Итамара увезли, она не ушла. Вернулась ещё раз, ещё и ещё. Несмотря на огонь вокруг, она мчалась к другим, к тем, кому никто не мог помочь в тот момент.

А потом, уже вечером, когда город был в пепле, она впервые позволила себе заплакать. Тихо. Чтобы дети не услышали.

Позже, когда город стихнет, и пепел осядет на крыши,
люди будут рассказывать:
«Женщина из Офакима спасла тринадцать человек».
Но сама Тали скажет просто: «Я – мать. И я не могла иначе».

Теперь, когда в её доме снова звучит детский смех,
и окна залиты солнцем, иногда ей снится то утро. Сирена. Взрыв. Голоса. И в этом сне
она всегда делает одно и то же – берёт за руки детей идёт к двери.

Потому что есть звуки, после которых ты уже навсегда живёшь ими, услышав их однажды.

Рахель. Семнадцать часов

Субботнее утро пахло праздником. Рахель Эдри, «савта* Рахель», как её звали соседи, ставила чайник и раскладывала по блюдам печенье с лимоном и мятой. Утро было мягким, ленивым, сонным. Она думала позвонить сыну полицейскому – спросить, заедет ли он после обеда, и как внуки празднуют Симхат Тора.

А потом воздух изменился. Сначала – короткий гул, потом сирена. Протяжная, надрывная, такая, что сердце сбивается с ритма. Она подошла к окну – небо было разрезано следами от ракет, соседи кричали, кто-то бежал к укрытию. Рахель спустилась к мужу, помогла ему подняться – он был слаб, болен. Они укрылись в мамадэ*, с приглушенным светом, где стены были уютными и домашними, но воздух всегда хранил запах тревогой.

Сирена не умолкала. Минуты тянулись часами. И вдруг – удары в дверь. Не знакомые, не соседские – тяжёлые, требовательные, как приговор.

Она открыла. На пороге – пятеро мужчин с автоматами.

Лица чужие, глаза чёрные, в руках – смерть. Мир сжался до узкой полосы света между ними.

– Вода есть? – спросил один.

– Конечно, – ответила она спокойно. – Вы, наверное, устали.

Она впустила их в дом. Не потому, что хотела, а потому, что понимала: если не впустит – убьют. Если кричать – убьют.

Если заплачет – убьют. А если заговорит – может быть, выиграет время. Она поставила на стол чай, вынесла блюдо с

печеньем. Руки дрожали, но она прятала дрожь за заботой.

– Попробуйте, я пекла утром. «Тёплое ещё», – сказала она, и даже улыбнулась.

Террористы переглянулись, растерянные, будто не ожидали, что их встретят, как гостей. Они сели. Один спросил, кто в доме. Она ответила: «Только мы с мужем». И показала на мамадэ*.

Муж лежал там, под одеялом, бледный, почти без сил.

Один из боевиков пошёл к нему, поднял ствол – и тогда Рахель встала между ними.

– Он болен. Не трогайте. Я с вами. Сядьте, я принесу ещё чаю.

Голос её был тих, но в нём была сталь. Он опустил оружие.

И тут зазвонил телефон. Как гром среди ясного неба, который мог разрушить хрупкое равновесие между жизнью и смертью.

Террорист вздёрнул оружие и направил его на Рахель

– Это подруга. Если я не отвечу она будет звонить без конца.

Террорист опустил оружие. Рахель взяла телефон и тихо сказала: «Але» Она услышала голос сына: «Мам вы как»?

– Ямит, дорогая с нами все хорошо, спасибо что беспокоишься, тихим спокойным голосом произнесла Рахель. – Я не могу говорить печенье в печке. Береги себя.

Сын, офицер, услышал её голос – ровный, спокойный,

и понял: она жива, и они там не одни, но она удерживает, отвлекает боевиков.

Полиция подошла ближе к дому, но действовать не могла — слишком опасно.

Через несколько секунд, в щель ставни, Рахель незаметно передала знак — легким движением руки, будто поправляя волосы, дала понять, что в доме — пятеро. Сын понял.

Семнадцать часов ада. Она говорила с ними, шутила кормила, пела. Слушала, как внутри дрожит сердце,

но не позволяла ему выдать себя. Страх — это роскошь, которую она себе не позволила. Но каждое слово, каждая улыбка старой женщины приближала их. Она не знала, сколько у неё есть минут, — и растягивала их, как можно дольше, разговаривая о детях, о Боге, о пустяках. Семнадцать часов — бесконечный день...

Когда один из них спросил:

— Ты не боишься нас?

Она посмотрела прямо в глаза:

— А вы боитесь себя?

Он отвёл взгляд.

Под вечер в доме стало темно.

Запах чая и пота смешался с гарью. Они устали. Она — тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.